

Взглядъ Васманна на происхожденіе человѣка.

(Продолженіе).

5.

Палеонтологическая открытия, приводимыя въ доказательство десцендентнаго происхожденія человѣка.

Естественное происхождение человѣка считается постулатомъ естествознанія точно также, какъ и естественное возникновеніе первоначальной жизни. Со второй половины XIX столѣтія содержаніе этихъ постулатовъ было расширено и жизнь вообще и человѣкъ произошли эволюціоннымъ путемъ. Постепенно неорганическое вещества преобразовывалось въ органическое, постепенно животное преобразовывалось въ человѣка. Первое допускаетъ возможность лабораторной провѣрки, второе, допускаетъ возможность провѣрки палеонтологической. Если человѣкъ имѣеть непрерывныи рядъ преходовъ, возводящихъ его къ первоорганизмамъ, если родословная его—хотя и не такая аристократичная, какъ предполагали прежде, но за то несравненно длиннѣйшая—обнимаетъ собою всѣ періоды существованія жизни на землѣ, то необходимо допустить, что его предки оставили слѣды своего существованія на землѣ и задача палеонтологической антропологии—наукѣ объ ископаемомъ человѣкѣ—состоитъ въ томъ, чтобы по найденнымъ слѣдамъ и останкамъ восстановить образъ человѣка прошедшаго, отъ которого произошелъ человѣкъ современный. Человѣкъ, вводимый зоологами въ ихъ систему, называется *homo sapiens*, и вотъ теперь пытаются установить, что рань-

ше, чѣмъ на землѣ явился *homo sapiens* на землѣ *homo primigenius*; останки этого предполагаемаго предшественника и предка человѣчества немногочисленны. Поучительно сдѣлать ихъ краткое обозрѣніе, чтобы видѣть, къ чему сводятся прямыя данныя въ пользу животнаго происхожденія человѣка.

На первомъ мѣстѣ въ ряду останковъ ископаемаго человѣка помѣщается неандертальскій черепъ, найденный въ Рейнской провинціи, недалеко отъ Дюссельдорфа, въ Неандерской долинѣ.

Въ высшей степени любопытно, что Дарвинъ, который въ немъ долженъ бы быть находить себѣ опору, видѣть въ немъ очень обыкновенный человѣческій черепъ. (Дарвинъ, О происхожденіи человѣка т. 1 стр. 162). Вирховъ, изслѣдовавъ неандертальскій черепъ, склонился въ тому, чтобы видѣть въ немъ патологическое исключеніе. Черепъ, по его мнѣнію, носитъ слѣды того, что обладатель его страдалъ ломотой въ костяхъ (*malum Senuile* или *arthritis chronicus deformans*), потому на немъ будто бы явны слѣды механическаго сдавливанія, особенно въ чешуѣ затылочной кости,—въ томъ мѣстѣ, которое въ обычныхъ случаяхъ именно отличается закругленностью и ровностью. Третій рядъ патологическихъ измѣненій въ неандертальскомъ черепѣ представляютъ, по Вирхову, измѣненія внутренней поверхности черезъ отношеніе новыхъ костяныхъ образованій, именно въ большей части протяженія на лобной кости (*Platz. der Mensch. S. 31—32*). Катрафжъ, подвергшій тщательному изслѣдованию неандертальскій черепъ, говоритъ слѣдующее: „эпитеты животнаго, обезьяньяго, часто прилагавшіеся къ черепу, исандертальскому и къ тѣмъ, которые походили на него, догадки, пущенные въ ходъ относительно индивидуумовъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, могли бы заставить думать, что въкоторая интеллектуальная и правственная низость необходимо связываются съ этой формою черепа. Легко доказать, что это положеніе принадлежитъ къ числу дурно обоснованныхъ. На антропологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ К. Фогтъ указалъ на одного изъ своихъ друзей доктора Эмайера, черепъ которого совершенно тождественъ съ черепомъ неандертальскимъ, и который тѣмъ не менѣе—врачъ, принадлежащий къ числу самыхъ лучшихъ. Осматри-

вая копенгагенский музей, я былъ пораженъ совершенно по-добными чертами, которыя представляль одинъ изъ череповъ коллекціи. Оказалось, что это былъ черепъ Кай Никке, датскаго дворянинна, который игралъ нѣкоторую политическую роль въ XVII вѣкѣ. Гордонъ опубликовалъ рисунокъ головы св. Mansny, епископа IV вѣка, и эта голова воспроизводить самая выдающіяся черты неандертальскаго черепа. Лобъ еще болѣе остръ, черепной сводъ еще болѣе понижень. Наконецъ, голова Брюса, шотландскаго героя, воспроизвѣдила типъ канштадскій. Въ присутствіи этихъ фактовъ должно признать, что тотъ индивидуумъ, остатки котораго нашли въ неандертальской пещерѣ, могъ имѣть всѣ интеллектуальные и нравственные качества, совмѣстныя съ его низшимъ соціальнымъ положеніемъ. (Quatrefages, L'Esp ce humaine p. 231.).

Въ 1886 г. въ августѣ мѣсяцѣ на антропологическомъ конгрессѣ въ Намурѣ два антрополога Charles de Puydt и Lohest сдѣлали сообщеніе, которое, намъ кажется, вполнѣ рѣшаеть вопросъ о неандертальскомъ черепѣ и рѣшаеть его безповоротно въ пользу взгляда Катрфажа. Названные антропологи въ гротѣ *Biche aux roches* близъ Spy нашли два скелета. Лица, которымъ они принадлежали, очевидно, были погребены, ибо кости, разбитыя тяжестью послѣдующихъ отложенийъ, занимали, однако, ихъ естественное положеніе. Около нихъ найдены были орудія типа мустерскаго, кости, изображающія палки начальника, многія костятыя пластинки съ изображеніемъ тюленей, три осколка отъ горшковъ, еще выдолбленную кость, наполненную олигистомъ (желѣзнымъ блескомъ), употребляемымъ для татуировавія. Одинъ изъ этихъ скелетовъ принадлежалъ женщинѣ, другой—юноши (швы черепа не были стерты). Черепа ихъ воспроизвѣдили типъ неандертальскій, кости большої толщины (9 mm), черепъ женщины чисто долихоцефальной (70), междубровная область развита недостаточно; головная мѣра другого черепа не была опредѣлена, ее можно положить приблизительно равною 75—76, такимъ образомъ, какъ поддолихоцефальную. Изученіе этихъ двухъ череповъ показываетъ въ нихъ развитіе надбровныхъ дугъ, лобныя виазушины очень замѣтны, глазные впадины очень велики, лобъ низокъ и загнутъ назадъ, что особенно обнаруживается у женщины,

затылочная область и преимущественно можжечковая часть весьма развиты. Прогнатизмъ выступаетъ у нихъ довольно замѣтно, а *apophyses geni* обозначены явно. Референты ничего не сообщили о платикнеміи и о полуулунной вырѣзкѣ локтевой кости. Измѣренія череповъ дали цифры, поразительно сходныя съ цифрами, полученными отъ измѣренія неандертальского черепа.

	Неандерталь- ский черепъ	Мужской черепъ	Женский черепъ
Діаметръ передне-задній	200	200	198
“ попе́речный maximum	144	140	150
“ лобный ”	122	114	117
“ ” minimum	106	104	106
мозговая кривая	90	80	92
затылочная кривая	51	60	58
темяная кривая	119	118	114
Толщина кости	10	9	9
головная мѣра	72	70	75—76
челюсть (ширина)	59		
вышина соединительной кости	35		
Высота зубовъ	30		
уголь соединенія	107		

Эти цифры ясно указываютъ, что найденные скелеты принадлежать къ неандертальскому типу, что этотъ типъ не есть исключение, а есть нормальный, что существовала раса неандертальского типа. Предположеніе о всемъ этомъ было гораздо раньше высказано Катрфажемъ. Открытие въ гротѣ Biche-aux-roches представляетъ много данныхъ для сужденія о людяхъ неандертальского племени. Оказывается, что эти люди фабриковали каменные орудія, утилизировали кости животныхъ, наприм., клыки слоновъ, пользовались краскою для разрисовки ихъ тѣла и одѣждъ, обжигали горшки и хоронили своихъ мертвцевовъ. (Nadillac, la grot de la Biche-aux-roches. Rev. Quest Scient. 1886 р. 520). Эти данные побуждаютъ поставить людей неандертальского типа выше нѣкоторыхъ изъ существующихъ племенъ, а не видѣть въ нихъ посредствующія звенья между предшественникомъ человѣка и современными низшими типами человѣчества.

Указываютъ на энгисский черепъ, полетскую челюсть, челюсть изъ moulin quignon, какъ принадлежащие *homo primigenius*.

Мнѣнія относительно энгисского черепа весьма различны. Одни видятъ въ немъ черепъ расы эскимосской или австралийской, другіе (Сляйэль и Биск) признаютъ, что онъ приближается къ современному европейскому типу. По мнѣнію Гексли, это—черепъ человѣческій средней мѣры, который также легко могъ заключать мозгъ философа, какъ и мозгъ необразованного дикаря. Мортилье въ сообщеніи, читанномъ имъ въ антропологическомъ обществѣ въ Парижѣ въ 1882 г. заявилъ, что этотъ черепъ нельзя считать ни ископаемымъ, ни принадлежащимъ къ первому отдалу четвертичной эпохи. Вотъ его основанія. Черепъ былъ найденъ въ гротѣ, носящемъ явные слѣды того, что онъ былъ погребальнымъ, но человѣкъ палеолитического вѣка не хоронилъ своихъ мертвцовъ (нѣкоторые антропологи продолжаютъ утверждать это и теперь, несмотря на очевидность фактовъ, ихъ опровергающихъ). Два зуба—lamna, которые, видно, человѣкъ носилъ какъ украшеніе и костяное шило, найденное съ kostями указываетъ на индустрію вѣка полированного камня, а не оббитаго. Наконецъ въ энгіесѣ слои были перемѣшаны, чего не подозрѣвалъ Шперлингъ, при опредѣленіи отложній, потому что тамъ находятся раковины *helix pomatia*, останки курицы, носорога и мамонта, что представляется соединеніе совершенно невозможное (*Archiv L'age du steane d'Engie. R. Qs. T. 12*). Ставя знакъ вопроса надъ перемѣшанностью слоевъ, трудно оспаривать значеніе археологическихъ находокъ, указываемыхъ Мортилье, а значеніе ихъ сводится къ тому, чтобы энгисский черепъ, какъ и неандертальскій, выкинуть изъ числа принадлежащихъ обезьяноподобнымъ людямъ. Послѣ этого уеволюціонистовъ не осталось ни одного черепа, поддерживающаго ихъ теорію.

Особенность юлетской челюсти, отсутствіе *apophysis geni*, подавшее поводъ Мортилье отрицать существование способности рѣчи у шеллійского человѣка, не представляется въ глазахъ другихъ имѣющею такое значеніе. Къ *apophysis geni* прикрѣпляются мускулы языка, Мортилье изъ отсутствія первого выводить заключеніе о несуществованіи послѣднихъ. Но ему возражали, что во 1) послѣдніе у юлетского человѣка могли быть прикрѣплены и иначе, во 2) изъ единичнаго случая нельзя дѣлать такого широкаго заключенія, которое позволяетъ себѣ дѣлать французскій антропологъ.

Нолетская челюсть могла быть патологическимъ исключениемъ. Больѣе вѣроятнымъ, впрочемъ, считали первое (особый способъ прикрепленія мускуловъ), а не второе. Dawkins, составившій подробное описание особенностей доисторическихъ череповъ, совсѣмъ не упомянулъ обѣ этой нолетской челюсти, потому, полагаютъ, что онъ не придавалъ ей никакого значенія, потому что она есть и у нѣкоторыхъ современныхъ людей и при томъ вовсе не сопровождается тѣми пагубными послѣдствіями, которыхъ указываетъ Мортилье (Platz, *Der Mensch.* S. 33—34). Тѣмъ не менѣе до 1887 г. нолетская челюсть всегда выставлялась дарвинистами, какъ одно изъ довольно сильныхъ доказательствъ истинности ихъ теоріи. Но болѣе оно уже не будетъ приводиться, какъ таковое доказательство. Топинаръ—самъ дарвинистъ—посѣтилъ Брюссель, гдѣ она находится, и изслѣдовалъ ее. Оказалось, что *arophysis geni* у ней существуетъ, какъ обыкновено и у всѣхъ другихъ людей. Онъ не былъ замѣченъ сначала только потому, что челюсть была дурно вымыта. (*Arcelin, la mâchoire de la Naullette.* Recv. Scient. 1887 г. T. 21).

Челюсть изъ *moulin quignon* была предметомъ многихъ споровъ и внимательного изслѣдованія. Прежде всего ея подлинность оспаривалась и оспаривается многими и не безъ успѣха. Челюсть найдена была близъ Аббевиля, мѣстности, съ которой связано печальное воспоминаніе о томъ, какъ ученыхъ обманывали невѣжды (продавая имъ за весьма дорогую цѣну дѣлавшіяся ими кремневыя орудія, которыхъ выдавали за доисторическія). Ляйэль склонялся къ мнѣнію, что Мулленская челюсть — подлинная, указывая на то, что она покрыта известковыми инкрустациами, для образованія которыхъ требуется значительное время. Но никто, вѣдь, не говоритъ, что эта челюсть новая, она, можетъ быть, имѣеть за собою два тысячелѣтія—этого вполнѣ достаточно для образованія инкрустаций—и тѣмъ не менѣе она могла принадлежать человѣку неолитического и даже металлическаго вѣка и была перенесена рабочими въ *moulin quignon*. Было сообщено, что какой-то рабочій изъ Мотора (близъ Аббевиля), сносившій съ рабочими *moulin quignon* въ 1862 г. нашелъ два скелета въ старой засыпанной (кельтской?) гробнице. Буше де Перть впослѣдствіи пріобрѣлъ эти скелеты, у одного изъ нихъ, индивидуума лѣтъ 10—12, со-

хранились всѣ личныя кости, а нижняя челюсть его оказалась поразительно сходною съ челюстью муленскою. Обнаруживающееся между ними различие могло имѣть причину различіе возраста. Было высказано предположеніе, что неоказавшаяся челюсть у другого скелета была похищена рабочимъ, перенесена и погребена въ Moulin quignon и затѣмъ указана Буше де Перту (въ 63 г.). Предположеніе это весьма вѣроятно и доселѣ не поколеблено. Лайэль возражаетъ противъ этого предположенія на основаніи того, что челюсть маньерскаго (гдѣ нашли гробницу) ребенка не покрыта черными отложеніями, но послѣднія, намъ кажется, могли налечь на муленскую челюсть въ теченіе того года, который она пролежала на новомъ мѣстѣ въ темномъ песчанистомъ гравіи, содержащемъ въ себѣ много окиси желѣза и марганца. Поэтому вовсе нельзя считать непоколебленнымъ мнѣніе, что эта челюсть не принадлежитъ примитивному человѣку, а принадлежитъ лицу, жившему приблизительно за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени и, слѣдовательно, отстоявшему отъ обезьяны, можно сказать, также далеко, какъ и мы. Но если даже допустить, что эта челюсть подлинная, за нею рѣшительно нельзя признать никакого значенія для эволюціонной теоріи, какъ разъ оказалось, что подобная челюсти (маньерская) встрѣчались въ неолитическую или даже металлическую эпоху. Затѣмъ, подобные челюсти встречаются, правда, какъ рѣдкое исключеніе, и у индивидуумовъ настоящаго времени. По заключенію Вирхова, эта челюсть не имѣетъ въ себѣ ничего обезьяньяго. (Platz. Der Mensch, S. 34—36).

Новѣйшее важное открытие останковъ ископаемаго человѣка сдѣлано въ 1908 году—въ Chapelle-aux-saints.

Здѣсь ясно все и отложеніе опредѣлено хорошо. Три аббата, компетентность которыхъ извѣстна, Ж. и А. Буйссони и Бардонъ, раскапывая коррецкій гротъ, собрали различныя человѣческія кости, которые передали для изслѣдованія Буллю, ученому профессору палеонтологіи въ музѣѣ. Принимая во вниманіе кости животныхъ и кремни, найденные съ человѣческими останками, представляется безспорнымъ, что они принадлежать къ среднему четвертичному periodу, къ той его фазѣ, которую изслѣдователи доисторического времени называютъ эпохой Мустье. Кромѣ того, состояніе, близ-

кое къ окаменѣнію, и морфологические признаки достаточно доказываютъ глубокую древность останковъ. Человѣческие останки представляютъ собою черепъ, разбитый на множество кусковъ (но однако такъ, что было возможно реставрировать его безъ произвольныхъ предположеній), челюсть, нѣсколько позвонковъ и длинныя кости. Очевидно, они принадлежали индивидууму—старику (какъ указываетъ состояніе черепныхъ швовъ и зубной полости), роста сравнительно невысокаго (1 м. 60 сантим.=2 ар. 4 вер.), но съ очень развитою головою, поражающею своимъ животнымъ видомъ и обезьяноподобными чертами. Этотъ черепъ долихоцефального типа (головной показатель=75) обращаетъ на себя вниманіе всею совокупностью своихъ признаковъ, главнѣйшіе изъ которыхъ, по Буллю, суть слѣдующіе: большая толщина костей, приплющенность мозговой коробки, скошенный назадъ лобъ, сильное развитіе надбровныхъ дугъ, выдающихся такъ же, какъ въ неандертальскомъ черепѣ и проходящихъ широкимъ желобомъ отъ отростка одной глазной впадины до такого же у другой, сильное развитіе очень сдавленной затылочной части, непрямое положеніе затылочного отверстія, сплющенная форма затылочныхъ мышелковъ (выступовъ костей, служащихъ для прикрепленія мышцъ или входящихъ въ составъ сочлененій), малый объемъ сосцевидныхъ отростковъ. Лицовой прогнатизмъ значителенъ. Орбиты велики и выдаются. Короткій и широкій носъ отдѣленъ отъ лба глубокой складкой. Верхняя челюсть выдается впередъ, сообщая лицу характеръ животнаго рыла. Небный сводъ очень длиненъ. Края зубныхъ ячеекъ почти параллельны, какъ у антропоморфныхъ обезьянъ. Зубы неизвѣстны. Челюсть характеризуется шириной мышелка, незначительной глубиной сигмоидальной выемки, сильною толщиной кости, кривизною соединенія и отсутствиемъ подбородка. Въ общемъ, черепъ изъ *chapelle-aux-saints* воспроизводить въ усиленномъ видѣ черты черепной крышки изъ Неандерталя и Спи, челюсть напоминаетъ иолетскую, Спи, Малярно. Это тѣмъ болѣе важно, что эти кости, найденные въ очень отдаленныхъ пунктахъ западной Европы, принадлежать почти одному и тому же вѣку. Не остается сомнѣній, что въ этихъ различныхъ случаяхъ имѣютъ дѣло съ нѣкоторымъ нормальнымъ типомъ людей, которые жили въ

среднемъ четвертичномъ періодѣ. Подлинность и значение нѣкоторыхъ изъ этихъ останковъ сильно оспаривались. Если Катрафажъ и Гами избрали неандертальскій черепъ, какъ типичный для расы, то не менѣе выдающіеся ученые какъ, Вирховъ, смотрѣли на этотъ черепъ, какъ на черепъ идіота или урода. Теперь взглядъ первыхъ находитъ себѣ подтвержденіе. Ни у какой изъ нынѣ существующихъ расъ нельзя найти всѣхъ тѣхъ чертъ низшаго типа, которыя представляютъ черепъ изъ *chapelle-aux-saints*. Онъ занимаетъ низшее мѣсто въ лѣстницѣ человѣчества. Въ томъ, что этотъ черепъ принадлежитъ человѣку, не можетъ быть сомнѣній. Рѣшеніе вопроса о томъ, видѣть ли въ этомъ человѣкѣ особый видъ, зависитъ отъ того, что каждый понимаетъ подъ видомъ. Несомнѣнно, какъ отмѣчаетъ Буль, если бы дѣло шло о хищномъ или жвачномъ, то не стали бы колебаться въ томъ, чтобы дать ему особое мѣсто въ классификаціи. Мнѣ представляется вѣрнымъ, прибавляетъ Буль, что совокупностью своихъ чертъ группа Неандерталь-Спиншатель-о-Сентъ представляетъ низшій типъ, приближающійся къ антропоморфнымъ обезьянамъ болѣе, чѣмъ какая-либо человѣческая группа. Морфологически, кажется, ее должно помѣстить между яванскимъ питекантропомъ и современными низшими расами, что, сиѣшу я (Буль) прибавить, не рождаетъ въ моемъ духѣ мысль о существованіи прямыхъ генетическихъ связей. Во второмъ сообщеніи (21 декабря) Буль далъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній, важнаго значенія. Изъ сообщеній аббатовъ Буйссони и Бардона видно, что скелетъ былъ найденъ въ углубленіи, голова его лежала на кучѣ камней. Очевидно, онъ былъ погребенъ. Отсюда вытекаетъ, что культь умершихъ уже существовалъ въ эту отдаленную эпоху. Это тѣмъ болѣе является основаніемъ для утвержденія, что дѣло идетъ о человѣкѣ. Человѣкъ былъ несомнѣнно примитивный, потому что онъ не зналъ употребленія огня, по крайней мѣрѣ не нашли слѣдовъ очага, обстоятельство отрицательное, не могущее имѣть большой доказательной силы. Во всякомъ случаѣ этотъ ископаемый человѣкъ могъ производить только грубыя орудія. Не видно скульптуры, нѣтъ никакихъ украшеній. Артистическія идеи не родились еще въ этомъ бѣдномъ мозгу, мы видимъ ихъ появление только позднѣе въ

верхнемъ четвертичномъ періодѣ. Но человѣкъ, который со-здалъ эти интересныя произведенія скульптуры и удиви-тельныя созданія живописи, новые образчики которыхъ от-крываются постоянно, стоялъ несравненно выше, чѣмъ бѣд-ное существо изъ *chapelle aux-saints*. Его мозгъ былъ развитъ гораздо болѣе. Нижняя часть головы у него сообщала лицу видъ правильный и гармоничный” (*L. Pervinquière-Le Pithe-canthr. et l'homme fossile de la chapelle-aux saints. Rev. scientifi-que. 1909, № 2—1-er sem.*).

Человѣкъ изъ *chapelle-aux-saints* жилъ, по мнѣнію изслѣ-дователей найденныхъ костей, въ эпоху Мустье. Въ доисторической хронологіи теперь руководятся преимущественно классификацией эпохъ Мортилье. Классификація эта составлена преимущественно на основаніи открытій во Франціи, но ее пытаются примѣнять всюду, тѣмъ умѣстнѣе ее было примѣнить къ находкѣ въ *chapelle-aux-saints*—пунктѣ, отстоящемъ очень недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, именами которыхъ Мортилье обозначалъ доисторическія эпохи въ своей клас-сификаціи. Древнѣшіе europейцы не употребляли металловъ. Они жили въ каменномъ вѣкѣ. Этотъ вѣкъ под-раздѣленъ на два періода: древній — палеолитическій и новый—неолитическій. Въ первый періодъ люди выдѣливали орудія изъ камня путемъ оббивки, во второй—къ оббивкѣ они присоединили полировку, поэтому иначе эти періоды называются періодомъ оббитаго и періодомъ полированного камня. Въ свою очередь каждый изъ этихъ періодовъ под-раздѣляется на эпохи. Палеолитическій обнимаетъ собою шел-лійскую, ашеллійскую (первоначально Мортилье объединялъ эти двѣ эпохи), мустье, солютрѣ, магдаленъ. Эпоха Мустье (название отъ пещеры въ Дордоньи) наиболѣе характери-зуется орудіемъ, носящимъ название „острие мустье“. Это—усовершенствованный *coup de poing* (кулачный ударъ) пред-шествовавшихъ эпохъ. Тамъ онъ представлялъ собою камень болѣе длинный, чѣмъ широкий, заостренный съ одного конца и округленный съ другого, онъ двусторонне симметриченъ. Въ эпоху Мустье онъ является болѣе заостреннымъ съ одной стороны стесаннымъ, такъ что онъ становится гораздо легче. Еще Мустье характеризуется каменнымъ скребкомъ, можетъ быть для обдиранія древесной коры или шкуръ. Костяные орудія отсутствуютъ. Послѣдующее время палеолитического

періода характеризуется усовершенствованіемъ и дифференціаціей орудій и развитіемъ искусствъ. По мнѣнію Мортилье человѣкъ палеолитического періода не имѣлъ религіи и не хоронилъ своихъ мертвцевовъ. Многіе оспаривали этотъ тезисъ. Новое открытие идетъ также противъ Мортилье. Обезьяноподобный человѣкъ Мустье, оказывается, имѣлъ культь умершихъ. Едва ли справедливо утверждать, что этотъ человѣкъ имѣлъ только то, что пашли въ *chapelle-aux-saints*. Argumenta e silentio всегда должны быть принимаемы cum grano salis. Но и теперь указываютъ на что весьма высокое въ этомъ человѣкѣ типа Мустье: онъ въ своей заботѣ о мертвыхъ уже стремился къ вышечеловѣческому, думаль и заботился о томъ, что лежало за предѣлами земного существованія.

Одновременно съ открытиемъ въ *Chapelle—aux—saints* Гаузерь открылъ скелетъ неандертальского типа въ Мустье. Около скелета было найдено много орудій. Скелетъ указываетъ, что покойнику сообщили положеніе спящаго человѣка. Голова обращена на право съ лицомъ нѣсколько склоненнымъ внизъ, правая щека лежить на локтѣ нѣсколько приподнятой правой руки, лѣвая рука протянута впередъ, подъ ладонью находится прекрасно обдѣланный миндалевидный „ударъ кулака“ сентацельского типа и отлично обдѣланный скребокъ типа Мустье. Подъ правымъ локтемъ и верхнею правою частью головы были хорошо выбранные, плоскіе кремневые камни. Подо лбомъ лежала обдѣланная кремневая плитка. Затѣмъ кремни были расположены такъ, какъ будто они защищали лицо. Кромѣ этого около трупа и вмѣстѣ съ нимъ было смѣшано множество костей животныхъ, носящихъ на себѣ слѣды огня. Обыкновенно это считается слѣдами похороннаго пира или указаніемъ на то, что умершаго снабжали съѣстными припасами. Скелетъ повидимому принадлежалъ индивидууму мужескаго пола лѣтъ пятнадцати. Клаатъ опредѣлилъ, что онъ принадлежалъ къ неандертальской расѣ. Ему удалось извлечь бедровую кость, берцовую, локтевую и одно ребро и во всѣхъ этихъ костяхъ, не смотря на то, что они принадлежали очень юному лицу, отмѣтить существенные черты неандертальского типа. Короткіе размѣры и неуклюжесть этихъ трубчатыхъ костей указывали на неандертальскій типъ. Особенно на это указывала сильная кривизна ребра—признакъ, которымъ неан-

дертальская форма отличается отъ всѣхъ нынѣ живущихъ расъ и чѣмъ она приближается къ антропоморфнымъ обезьянамъ. Небольшіе размѣры роста и короткія конечности напоминаютъ нынѣшнія арктическія расы, но не первобытныя расы южнаго полушарія, у которыхъ локтевая и лучевая кости вовсе не коротки. Въ черепѣ ясно выражено громадное развитіе зубной и челюстной области. Клаатшъ находить возможнымъ говорить здѣсь, какъ и при разсужденіи о многихъ австралійцахъ, не о лицѣ, а о рѣлѣ. Носъ у скелета помѣщался на выдавшейся впередъ закругленной части рыла, зубы были роскошно развиты, зубы мудрости еще не вышли изъ челюстей, остальные зубы обнаруживаютъ юношескую свѣжестъ рельефа, которой еще не приходилось наблюдать ни у одного индивидуума неандертальской расы. Вообще зубная область напоминаетъ находки изъ Крапинь (зѣ Австріи); ненормальнымъ представляется то, что нижній лѣвый клыкъ не вышелъ, вмѣсто него остался маленький молочный зубъ. Массивная нижняя челюсть заставляетъ предполагать отступающій назадъ подбородокъ низшаго человѣческаго типа. Развитіе надбровныхъ дугъ, глазныя впадины, разстояніе между ними, все соотвѣтствуетъ неандертальскому типу, вѣтъ только морщины на лобной чешуѣ между глазными орбитами, но она не соотвѣтствуетъ юношескому возрасту скелета. Но Клаатшу если у гориллы укоротить руки и удлинить ноги, то она приблизится къ изслѣдованному имъ человѣку Мустье. Массивность костей также сближаетъ мустьерца съ большими африканскими обезьянами, а вмѣстѣ и съ африканскими неграми. Въ поло-вой находкѣ, какъ еще въ гибралтарскомъ черепѣ, хорошо сохранилась лицевая часть. Отъ громадныхъ глазныхъ орбитъ заключаютъ къ малому количеству мозга, по строенію лицевыхъ костей Клаатшъ, заключаетъ, что носъ мустьерца, какъ и носъ многихъ австралійцевъ, былъ необыкновенно широкъ.

Позволительно думать, что эта мустьерская находка подсказываетъ прежде всего два вывода: 1) что неандертальская раса существовала дѣйствительно и 2) что человѣкъ неандертальской расы былъ столько же *homo sapiens*, сколько и современные некультурные народы. Мустьерецъ былъ погребенъ очень тщательно; несомнѣнно на его трупѣ была

принесена жертва; орудія и останки животныхъ положенные съ нимъ указываютъ, что его сородичи вѣровали въ будущую жизнь и имѣли о ней опредѣленныя представлениѧ. Поучительно, что погребальный обрядъ быль совершень почти надъ мальчикомъ.

Немного ранѣе, чѣмъ мустѣрскій скелетъ, именно въ концѣ 1907 года около Гейдельберга въ такъ называемой гейдельбергской стѣнѣ была найдена челюсть, изслѣдованіе о которой позднѣе опубликовалъ Штѣтенсакъ и которую склонны считать древнѣйшею изъ извѣстныхъ человѣческихъ останковъ. Fauna, среди которой она была найдена, относится даже къ третичному періоду—къ верхнему пліоцену (*Rhinoceros etruscus*). Если бы отъ челюсти сохранилась только часть, направляющаяся къ подбородку, ее можно было бы принять по мнѣнію изслѣдователей за челюсть гориллы. Если бы, напротивъ, сохранилась восходящая вѣтвь, то ее можно было бы счесть челюстью разновидности гибона. Но сохранились зубы и эти зубы свидѣтельствуютъ о томъ, что она принадлежала человѣку. Эти зубы нѣсколько больше, чѣмъ зубы современныхъ europейцевъ, но они слабѣе, чѣмъ зубы современныхъ дикарей. Между зубами и челюстью въ гейдельбергской находкѣ оказывается несомнѣтельное. Пытаются объяснить его такъ. Зубы гейдельберца служили тѣмъ же нуждамъ, какъ и зубы теперешнихъ дикарей, но сильное развитіе челюсти есть наслѣдство полученное отъ предковъ, указывающее, что ихъ образъ жизни требовалъ могущественнаго развитія нижней части головы.

Нетрудно перечислить всѣ найденные доселѣ неандертальсидные останки человѣка. Таковы: челюсть Малерно, найденная во Франціи въ 1889 году, она болѣе прогнатична, чѣмъ челюсть нолетская; челюсть изъ Шишки (въ Моравіи), таубахскіе (около Веймара) и предмостскіе (въ Моравіи) зубы. Близко къ неандертальскому стоять гибралтарскій черепъ. Затѣмъ должны быть названы скелеты изъ Крацины (Австрія), кремскіе скелеты (недалеко отъ Вѣны), сен-денизскій человѣкъ, ариньянскій человѣкъ. Но можетъ быть важнѣе всѣхъ ихъ находка, сдѣланная въ липовецкомъ уѣздѣ кievской губерніи и носящая теперь имя новоселскаго черепа. Объ этой находкѣ Казимиръ Столихво (*Stotyhw*) помѣстилъ сообщеніе въ извѣстіяхъ краковской академіи наукъ

1908 года.—„Новоселскій черепъ разматриваемый какъ доказательство существованія въ историческую эпоху формъ родственныхъ *homo primigenius*“. Черепъ этотъ найденъ въ курганѣ относительно нового происхожденія. При немъ найдено желѣзное оружіе, чешуйчатая броня, его относятъ къ эпохѣ переселенія народовъ. Въ парижскомъ журналь *L'Anthropologie* Столихво по поводу новоселскаго черела помѣстилъ статью: „*Homo primigenius* принадлежить ли къ виду отличному отъ *homo sapiens*?“ и далъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Столихво сравнивалъ морфологическіе признаки череповъ *homo primigenius* и *homo sapiens* и пришелъ къ заключенію, что между ними нѣтъ глубокой пропасти, что, напротивъ, можно говорить о близкомъ морфологическомъ родствѣ обѣихъ группъ. Первая примитивнѣе, но она не совершенно иного строенія, чѣмъ послѣдняя, и было бы несправедливо оспаривать принадлежность ея къ *homo sapiens*. Интеллектъ первой, хотя еще и неразвитый, несомнѣнно стоялъ на несравненно высшей ступени, чѣмъ интеллектъ нашихъ ближайшихъ родственниковъ въ животномъ царствѣ. Поэтому Столихво заключаетъ, что пограничная линія, которую Швалльбе провелъ между *homo primigenius* и *homo sapiens*, совершенно искусственна: обѣ группы образуютъ не двѣ различныя вѣтви, но только одну—*homo sapiens*, которая распадается на длинный рядъ различныхъ формъ¹⁾.

Какое заключеніе на самомъ дѣлѣ должно вывести изъ приведенныхъ фактовъ? Для того, кто вѣрюетъ въ теорію эволюції, эти факты говорять о томъ, какими звенѣями человѣкъ связанъ съ животнымъ міромъ, но для тѣхъ, для кого теорія эволюції является проблемой, а не открытой истиной, эти факты могутъ представляться имѣющими очень различное значеніе.

Во 1) крайне удивительно, что ихъ такъ мало. Вѣдь, человѣчество усердно искало своихъ предковъ. Вѣдь, решеніемъ вопроса о происхожденіи человѣка обусловливается

¹⁾ Обозрѣніе находокъ въ области палеонтологической антропологии имѣется у Hoernes'a—*Natur—und Urgeschichte des Menschen. Erster Band.* 1909. Обозрѣніе новѣйшихъ изслѣдовавій палеонтологическихъ человѣческихъ останковъ даво въ послѣдней книжкѣ *Revue des Questions scientifiques* за 1910 г. Замѣтка о новоселскомъ черепѣ неандертальского типа имѣется въ *Natur und Offenbarung* 1909, № 4.

цѣлое міросозерцаніе. И что же? со времени открытия неандертальского черепа прошло болѣе полстолѣтія, сколько ученыхъ и во сколькихъ странахъ искали человѣческихъ ископаемыхъ останковъ и нашли лишь нѣсколько костей приближающихся къ неандертальскимъ. А сколько въ это время найдено останковъ нормального типа? Безчисленное количество. Вѣдь, легко тогда, принимая во вниманіе отношеніе первыхъ къ послѣднему, допустить что эти неандерталоподобныя кости—исключенія, уродства. Вѣдь новоселскій человѣкъ по своему черепу былъ исключениемъ среди своихъ современниковъ; почему не допустить, что такимъ исключениемъ былъ и гибралтарецъ и мустерьеръ? Дѣло въ томъ, что типы подобные ископаемымъ находятся и теперь: и зубы болѣе крѣпкие и носы болѣе широкіе, чѣмъ у ископаемыхъ, оказываются у современныхъ австралійцевъ. Что же въ такомъ случаѣ прибавлять палеонтологическая антропология къ современной этнографии?

Во 2) пусть найденные кости порою такъ приближаются къ костямъ приматовъ, что возникаетъ сомнѣніе—человѣческія они или нѣтъ. Вотъ, что несомнѣнно: все найденные доселѣ палеонтологические люди обладали строеніемъ допускавшимъ для нихъ возможность дѣлать все то, что дѣлаетъ современный человѣкъ, и этимъ они при всей своей кажущейся близости къ животнымъ безконечно отличались отъ нихъ.

Въ 3) палеонтологические люди оставили слѣды своей духовной культуры, они хоронили своихъ мертвѣцовъ; форма погребенія доказываетъ, что они вѣрили въ загробную жизнь. Въ погребенія коррекца, мустерьера мало вдумывались. Теперь при погребеніи обычно держатся традиціи, смыслъ которой часто бываетъ утерянъ, но какъ у первобытныхъ людей искать религіозную традицію? Они должны были создать обычай, выработать формы погребенія, они должны были при выработкѣ этихъ формъ руководиться идеями, принципами, убѣжденіями. Погребеніе человѣка съ предметами, которые онъ употреблялъ въ домашнемъ обиходѣ, вѣдь, не указываетъ, что люди загробную жизнь считали тожественною съ земной. Они не могли сдѣлать этого допущенія, потому что въ загробной жизни человѣкъ былъ лишенъ своего земного тѣла. Они могли только мыслить, что загробная жизнь подобна земной. Снабженіе покойника орудіями,

утварью и съѣстными припасами должно было имѣть въ ихъ глазахъ символическое, а не реальное значеніе. Это мы знаемъ относительно религіозныхъ вѣрованій древнихъ культурныхъ народовъ и въ этомъ мы не сомнѣваемся относительно ископаемыхъ народовъ. Въ Солютрѣ (предполагается, что хронологически обитатели Солютрѣ слѣдовали непосредственно за мустѣрцами) было найдено мѣсто погребенія, археологическое изслѣдованіе котораго дало весьма интересные результаты. Повидимому глава пещеры былъ похищенъ смертію, его товарищи по войнѣ и охотѣ положили его въ хижинѣ, обративъ голову къ находящему солнцу. Подъ руку положили его оружіе и предметы, которые были ему особенно дороги: два острія копья сдѣланыя оббивкой, большое число весьма маленькихъ и очень остро отдѣланныхъ копій, створка Pecten Jacobaeus, раковина богомола, имѣющая отверстіе вблизи шарнира и назначенная можетъ быть служить вмѣстѣ и украшеніемъ и религіознымъ символомъ. Но самымъ интереснымъ предметомъ была грубо оббитая фигура въ молоссовомъ осколкѣ, изображающая оленя ¹⁾). Вотъ—эта фигура оленя, она есть только символъ действительного оленя, и обитатель Солютрѣ, очевидно, какъ и древній египтянинъ умозаключалъ, что при погребеніи достаточно символа. Какую мысль должны были соединять люди съ этимъ символическимъ снабженіемъ покойника нужными предметами? Позволительно думать, что въ сущности ту же самую, которую позднѣйшіе язычники соединяли съ жертвой. Важна не жертва, а готовность принести жертву. Важно не то, что дадутъ умершему живые; важна ихъ готовность содѣйствовать благополучію умершаго въ загробномъ мірѣ. Живые знали, что предметы положенные съ умершимъ останутся въ гробу, а умершій будетъ жить въ гроба. Предметы не послѣдуютъ за нимъ. Что же послѣдуетъ? Можетъ быть души предметовъ. Сложная система погребенія у палеонтологическихъ людей говоритъ о высокихъ духовныхъ инстинктахъ и о существованіи отвлеченныхъ вѣрованій. Въ вопросѣ о бессмертіи души современный человѣкъ не ушелъ дальше своихъ ископаемыхъ пред-

¹⁾ Vacandard—Le nouvel homme prÃ©historique de Menton (Rev. Quest. scientif. T. 20).

когъ, почему же онъ трактуетъ ихъ такъ высокемѣрно и, называя себя homo sapiens, не хотеть имъ усвоить признака sapientiae. Не есть ли это на самомъ дѣлѣ неумный тезисъ неумныхъ людей говорящихъ: мы гораздо умнѣе нашихъ отцовъ.

Палеонтологической человѣкъ не имѣлъ опыта тѣхъ тысячелѣтій, которыя протекли со времени его существованія до нашихъ дней. Отсутствіемъ этого опыта объясняется несовершенство его техники. Палеонтологической человѣкъ велъ жестокую борьбу за существованіе, этимъ объясняется его могучее физическое развитіе, прогнатизмъ его челюсти, сила его зубовъ. Но этотъ человѣкъ, обладавшій крайне скучными познаніями и жившій въ ужасно тяжелыхъ условіяхъ, стремился сообщать своимъ примитивнымъ поддѣлкамъ изящную форму и давалъ имъ религіозное употребленіе. Я думаю, что это съ несомнѣнностью доказывается, что известный намъ палеонтологической человѣкъ въ духовномъ смыслѣ былъ тѣмъ же, чѣмъ являются люди XX столѣтія.

6.

Настоящее положеніе вопроса о происхожденіи видовъ.

Для того, кто принимаетъ эволюціонную теорію происхожденія животныхъ и растительныхъ видовъ, очень трудно и едва ли даже возможно допустить изъятіе человѣка отъ подчиненія общему закону эволюціи. Съ зоологической точки зрѣнія человѣкъ несомнѣнно есть животное позвоночное, млекопитающее, стоящее близко къ приматамъ. Рожденіе, жизнь и смерть человѣка подчинены тѣмъ же физіологическимъ законамъ, какъ и жизнь другихъ млекопитающихъ. Но если индивидуумы человѣческие и животные подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ, то почему дѣлать изъятіе изъ родовъ и представлять, что родъ человѣческий возникъ не такъ, какъ роды животныхъ? Вѣдь, и Библія созданіе человѣка представляетъ не изъятіемъ изъ общаго закона творенія, а завершеніемъ творенія. Все было хорошо, но съ появлениемъ человѣка стало хорошо весьма. Разъ происхожденіе человѣка неизвѣстно наукѣ, то конечно нельзя считать доказаннымъ, что человѣкъ произошелъ

также, какъ и другія животныя близкія ему по зоологическому типу. Однако не трудно видѣть, что для мысли естественіе всего допустить одинаковое происхожденіе для первого и вторыхъ. Съ этимъ нужно согласиться. Но я поставлю теперь вопросъ иначе—знаемъ ли мы, какъ произошли животныя? И я думаю, что на этотъ вопросъ должно отвѣтить отрицательнымъ образомъ. Родословная предлагаемая палеонтологіей едва ли на самомъ дѣлѣ болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности, чѣмъ родословная троянскихъ героевъ. Ученые болѣе всего работали надъ родословной человѣка. Она у нихъ никакъ не складывается, но можетъ быть если бы они приложили столько же усилий къ разработкѣ вопроса о родословной осла или орангъ-утанга, дѣло оказалось бы не въ лучшемъ положеніи.

Фактической исторіи органическаго міра нѣтъ, но со 59 г. прошлаго столѣтія имѣется теоретическое представление этой исторіи и направляющихъ єю факторовъ. Было время когда на Руси не позволялось раскрывать рта, чтобы возражать противъ, а вѣчныхъ истинъ“, возвѣщенныхъ Дарвиномъ. Теперь дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Возраженія противъ теоріи допускаются и не только возраженія новыя, но и старыя возраженія, къ которымъ сначала отнеслись пренебрежительно, стали предметомъ болѣе внимательнаго обсужденія. Въ сущности этими возраженіями и рѣшается дѣло. Ими утверждается, что факторы эволюціи, установленные Дарвиномъ, не существуютъ и что его теорія развитія жизни не отвѣчаетъ тому, что мы знаемъ объ исторіи этой жизни.

Для того, чтобы теорія Дарвина была правильною, нужно, разсуждаютъ антидарвинисты, чтобы измѣнчивость (первый эволюціонный факторъ) въ организмахъ имѣла слѣдующіе признаки: постепенность, неопределѣленность, безграничность и мозаичность. Если нѣтъ постепенности, а существуютъ скачки, то тогда собственно теорія Дарвина не при чёмъ, ибо причина такихъ скачковъ неизвѣстна, и рычагъ, который управляетъ развитіемъ организмовъ, такимъ образомъ, окажется тайной. А между тѣмъ можно указать, какъ въ ботаникѣ, такъ и въ зоологии и даже антропологіи, примѣры такихъ скачковъ. Вотъ примѣры, приведенные Данилевскимъ изъ ботаники. „Можетъ ли кто въ здравомъ умѣ надѣяться получить яблоко первого достоинства или сочную тающую

грушу отъ дикой груши?"—спрашиваетъ Дарвинъ. „Мои опыты, отвѣтываетъ знаменитый садоводъ Декенъ, прямо показываютъ, что мы можемъ получать хорошія разновидности, высѣвая сѣмена дикихъ грушъ, и очень дурныхъ—высѣвая сѣмена нашихъ улучшенныхъ породъ". Другими подобными примѣрами являются внезапное появленіе однолистной земляники въ Версалѣ въ 1863 г., кишарисъ, дающій изъ сѣмянъ пирамидальную разновидность, и біота, дающая разновидность плакучую. Подобные примѣры можно указать въ зоологии. Въ Америкѣ въ Парагваѣ водится племя безрогаго скота, происшедшее отъ безрогаго быка, родившагося отъ рогатыхъ родителей. Самые голуби, такъ излюбленные Дарвиномъ: голубы, дутыші, турманы — произошли вовсе не вслѣдствіе постепенной измѣнчивости, а вслѣдствіе неожиданного рожденія отъ обыкновенной самки голубей съ рѣзкими особенностями, какъ это допускаетъ и самъ Дарвинъ. У людей мы видимъ тоже подобное явленіе. Такъ шестицаплыя дѣти рождаются отъ родителей, имѣющихъ по 5 пальцевъ, и часто передаютъ свою шестипалость слѣдующимъ поколѣніямъ. Точно также альбиносы рождаются отъ людей съ обыкновенными глазами. Всѣ эти примѣры показываютъ, что измѣненія въ организмахъ происходятъ скачками, а не со строгою постепенностью. Относительно того, безгранична ли измѣнчивость или нетъ, нельзя съ твердою увѣренностью сказать яичного рѣшительнаго. Судя по наблюденіямъ и историческому опыту, она оказывается ограниченна. Но можетъ ли она въ теченіе вѣковъ быть безграничною, это неизвѣстно. Что касается до мозаичности измѣнчивости (подъ этимъ Данилевскій разумѣеть, что для удовлетворенія теоріи Дарвина требуется, чтобы измѣнчивость не представляла опредѣленной связи въ одновременныхъ измѣненіяхъ различныхъ органовъ), то мозаичности удовлетворяетъ только измѣнчивость, не имѣющая значенія (напримѣръ, образованіе курдюковъ у овецъ не соединяется ни съ какими иными измѣненіями въ ихъ организаци). Относительно другого фактора—наслѣдственности, доселѣ въ біологіи не выяснено самое существенное для дарвинизма. На вопросъ: передаются ли наслѣдственностью отъ предковъ къ потомкамъ только свойства, полученные предками отъ природы, или же и благопріобрѣтенные, доселѣ не дано увѣреннаго отвѣта. Знаніе,

опытъ, техническіе навыки не передаются по наслѣдству, наслѣдовательно передаются природныя способности, но не степень ихъ развитія. Говорить, передаются наслѣдовательно болѣзни, но объясняютъ, что передаются болѣзни инфекціонныя (передаются микробы) или передается природная расположеннность къ болѣзнямъ (наприм., слабая грудь, предрасполагающая къ чахоткѣ), а не болѣзни благоупріобрѣтенные (ослѣпшій, оглохшій, безногій—рождаются видящихъ, слышащихъ, съ ногами). Но если вопросъ о наслѣдственности оказывается покрытымъ безусловнымъ мракомъ, то вмѣстѣ съ этимъ оказывается совершенно невыясненнымъ и вопросъ объ измѣнчивости и ея факторахъ. Что производитъ измѣненія? Какимъ образомъ они передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію? Что фиксируетъ въ растительныхъ и животныхъ видахъ эти измѣненія? Біологія не даетъ отвѣта па эти вопросы. По гипотезѣ дарвинистовъ, у многихъ организмовъ не только должны измѣняться и совершенствоваться существующіе органы, но должны возникать и совершенно новые. Здѣсь представляется слѣдующая трудность: при первомъ зачаточномъ своемъ образованіи эти органы не могутъ выполнять тѣхъ функций, которыя имъ будетъ суждено исполнять въ будущемъ, они будутъ не только бесполезны въ организмѣ, но чѣремѣнно вредны. Возьмемъ, положимъ, глазъ. Его зачаточная форма будетъ не что иное, какъ болѣзненное образованіе на кожѣ вслѣдствіе чрезмѣрнаго ея раздраженія отъ дѣйствія свѣта. Возьмемъ, далѣе, легкое, образующееся изъ плавательнаго пузыря; въ срединѣ процесса превращенія оно будетъ дѣлать затруднительнымъ для своего обладателя существованіе какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ. Спрашивается, какимъ образомъ особи, претерпѣвающія въ своемъ организмѣ подобныя измѣненія, могутъ сохраниться въ борьбѣ за существованіе, вѣдь онѣ не наиболѣе, а памятнѣе приспособленыя? Очевидно, онѣ должны не сохраниться, а погибнуть. О борьбѣ за существованіе—этомъ рычагѣ прогресса по Дарвину, Данилевскій замѣчаѣтъ, что Дарвинъ невѣрно представляетъ себѣ эту борьбу. Во многихъ мѣстахъ у животныхъ не существуетъ борьбы ни между собою изъ-за пищи, ни съ климатомъ (наприм., въ благодатныхъ степяхъ Америки у травоядныхъ животныхъ), и однако одни животные вымираютъ, а другія остаются.

При этомъ мы видимъ, что вымирали виды, повидимому, совершенно обезпеченные въ борьбѣ за существованіе: мамонтъ, носорогъ съ костяною перегородкою, въ настоящее время вымираютъ могучіе зубры въ Бѣловѣжской пущѣ. Естественный подборъ, по утвержденію антидарвинистовъ, долженъ устраняться и уничтожаться скрещиваніемъ. Полезные измѣненія, которыхъ долженъ бы быть сохранять естественный подборъ, возникаютъ у немногихъ организмовъ, которыхъ скрещиваются обыкновенно съ неизмѣнившимися; ихъ потомки, отчасти унаследовавшие ихъ особенности, опять будутъ скрещиваться съ обыкновенными особями. Не трудно видѣть, что въ такомъ случаѣ, если и будутъ у тѣхъ или другихъ животныхъ и растеній возникать какія либо особенности, онѣ всегда будутъ растворяться и исчезать въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Въ природѣ являются типы, рѣзко возвышающіеся надъ среднимъ уровнемъ: между людьми—гени, въ царствѣ растительномъ и животномъ—особи съ исключительными признаками; являются также, наоборотъ, идиоты и сумасшедшиe между людьми, уродливыя животныя и растенія; но все это не сохраняется, въ концѣ концовъ все, что стоитъ выше и ниже средняго уровня, исчезаетъ. Природа такимъ образомъ является великой уравнительницей. Естественный подборъ, говорить Данилевскій, есть устраненіе скрещиванія, и разъ существуетъ скрещиваніе, то не существуетъ подбора. Даже и по устраненіи скрещиванія представляется весьма мало вѣроятія, чтобы подборъ дѣйствительно могъ образовывать новые виды организмовъ. Такъ какъ для образованія новыхъ видовъ измѣненія, возникающія въ организмахъ, должны фиксироваться въ одномъ направлѣніи, то понятно, что малѣйшее уклоненіе въ теченіе тысячелѣтій легко можетъ уничтожить всю работу подбора. Дарвинъ придаетъ еще важное значеніе принципу полового подбора и утверждаетъ, что, не обращаясь къ этому принципу, невозможно объяснить происхожденія многихъ животныхъ видовъ и человѣка. Но здѣсь противъ Дарвина возстаютъ уже сами эволюціонисты. По мнѣнію Уоллеса, полового подбора не существуетъ. Въ доказательство существованія полового подбора Дарвинъ приводитъ только одно обстоятельство, именно то, что самцы во время полового возбужденія выставляютъ напоказъ самыя

красивыя части своего организма, но Уоллэсъ объясняетъ это не стремлениемъ показать свою красоту, а первымъ возбуждениемъ, такъ какъ и неукрашенные самцы въ этотъ періодъ машутъ крыльями, расширяютъ ихъ, поднимаютъ свои гребни или хохолки и т. д. Если же нѣть полового подбора, то нельзѧ объяснить происхожденія хвоста у павлина, роговъ у оленя. Но если этотъ подборъ и существуетъ, то и тогда вопросъ о происхожденіи хобота слона, курдюка овецъ, горба бизона остается совершенно открытымъ. Обращаясь къ прошедшему, антидарвинисты утверждаютъ, что геологія и палеонтологія также представляютъ серьезныя возраженія противъ дарвинизма. Эволюціонный процессъ, по Чарвину, долженъ происходить съ крайнею медленностью, онъ долженъ заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ билліоны и триліоны вѣковъ, но, по утвержденію физиковъ и астрономовъ,лагающихъ свои вычисленія геологамъ, періодъ существованія органическаго міра на землѣ обнимаетъ со-бою никакъ не болѣе 40—20 миллионовъ лѣтъ. Но и эта цифра нѣкоторымъ ученымъ представляется черезчуръ преувеличенною,—такъ Перрофоръ утверждаетъ, что вся исторія земли обнимаетъ собою 5 миллионовъ лѣтъ. Палеонтологія представляетъ также серьезныя возраженія противъ дарвинизма. Первымъ изъ нихъ является фактъ неизмѣняемости многихъ родовъ растеній и животныхъ въ теченіе многихъ геологическихъ періодовъ. Укажемъ нѣкоторые. *Discina* (относится къ типу мягкотѣлыхъ, къ классу головоногихъ: голова рѣзко обособлена; имѣеть два большихъ, очень совершенныхъ глаза; ротъ окруженъ руками; нога имѣеть видъ воронки; раздѣльнополы) существуетъ съ силурійской эпохи до нашихъ дней, а между тѣмъ *discina* относится далеко не къ типу простѣйшихъ. *Tuia accidentalis* и *abies canadensis* являются теперь такими же, каковыми онъ былъ въ міоценовую эпоху. Почему онъ не измѣнился? Не говорить ли это о томъ, что есть какое-то начало въ организме, сопротивляющееся позмѣненіямъ? Это особенно ясно открывается изъ того, что мы видимъ—хотя бы въ *discina*—вариаціи видовъ; это, по теоріи Дарвина, должно бы было вести все далѣе и далѣе отъ первоначального типа,—однако, нѣть, новые виды столь же ясно говорять о принадлежности къ тому же роду, какъ и древніе. Другимъ, еще болѣе серьез-

нымъ возраженіемъ противъ дарвинизма является въ палеонтологіи фактъ отсутствія переходныхъ типовъ. На первый взглядъ кажется, что это возраженіе теряетъ свою силу вслѣдствіе ссылки Дарвина на бѣдность палеонтологическихъ коллекцій, но при внимательномъ разсмотрѣніи эта ссылка оказывается не имѣющею значенія. Дѣло вотъ въ чёмъ. Согласно теоріи Дарвина, между каждыми двумя видами должно существовать множество переходныхъ ступеней. Пусть такъ. Но вотъ что удивительно. Палеонтологамъ удавалось находить очень много экземпляровъ одного и того же вида и много экземпляровъ видовъ родственныхъ и между тѣмъ не удавалось находить посредствующихъ звеньевъ въ одномъ экземпляре. На основаніи теоріи вѣроятности, это ненахожденіе можно объяснить только дѣйствительнымъ отсутствиемъ таковыхъ звеньевъ. Пфаффъ пытался выразить числами вѣроятность, которая существуетъ для встрѣчи посредствующихъ формъ между двумя родственными видами, доставившими много образчиковъ, напримѣръ, между двумя видами силурійскихъ трилобитовъ. Эти переходныя формы, по гипотезѣ эволюціонистовъ, должны быть весьма многочисленны. Пфаффъ предположилъ ихъ только 10 между двумя чистыми формами. Онъ представляетъ потомъ кучу, составленную изъ миллиона зеренъ; одни—цвѣта голубого, представляющихъ чистую форму, другихъ—цвѣта краснаго, представляющихъ 10 посредствующихъ формъ, которые должны привести къ новому виду. Красныхъ зеренъ, слѣдовательно, будетъ въ десять разъ больше, чѣмъ голубыхъ. Пфаффъ ставитъ затѣмъ такой вопросъ: какая существуетъ вѣроятность, выбравъ 100 зеренъ изъ таза, выбрать только голубые? Или лучше—извлекая изъ пластовъ 100 экземпляровъ одного ископаемаго вида, какая существуетъ вѣроятность не пайти ни одной посредствующей формы? Вычисление вѣроятностей отвѣчаетъ дробью $0,1^{100}$ или 1, раздѣленной на 1 со ста нулями. Это вычисlenіе не особенно благопріятствуетъ теоріи Дарвина; но, собственно говоря, найдены доказательства скачковъ въ природѣ. Возьмемъ хотя бы лошадь. Иногда рождаются жеребята, имѣющіе кромѣ копытъ другой палецъ сзади; въ прошедшемъ удалось отыскать животное, близкое къ лошади (гиппаріонъ), но имѣвшее такое же строеніе ноги, каковое теперь встрѣчается у двуна-

лыхъ жеребятъ. Допустимъ, что послѣдніе представляютъ собою атавизмъ, но на что указываетъ этотъ атавизмъ? На то, что отъ гиппаріона путемъ какого-то загадочнаго скачка произошла лошадь подобно тому, какъ теперь путемъ скачковъ отъ лошади можетъ произойти гиппаріонъ (не всѣ считаютъ гиппаріона предкомъ лошади). Естественный подборъ здѣсь не при чемъ. Третьимъ возраженіемъ противъ дарвинизма съ точки зрѣнія палеонтологіи является то, что въ геологическихъ пластахъ новыя формы обыкновенно являются сразу и при томъ въ большомъ количествѣ. Можетъ быть, это, дѣйствительно, слѣдствіе пробѣловъ нашей палеонтологической лѣтописи, но пока, вѣдь, эти пробѣлы не восполнены, дарвинизмъ не можетъ утверждать, что палеонтологія на его сторонѣ. Наконецъ, возраженіемъ противъ дарвинизма является отсутствіе строгой послѣдовательности въ ископаемыхъ, находимыхъ въ пластахъ (наприм., найденное млекопитающее въ юрскихъ отложеніяхъ стоитъ по своей организаціи выше млекопитающихъ эоценовой эпохи¹⁾).

Лицамъ, выступившимъ съ отрицаніемъ теоріи Дарвина, нерѣдко ставили странное возраженіе (его наприм., высказалъ проф. Тимирязевъ): какъ же по вашему произошли виды? Это возраженіе конечно не является возраженіемъ. Признать неудовлетворительнымъ какое-либо объясненіе факта вовсе не значить претендовать на умѣнье объяснить этотъ фактъ. И наука, которая хорошо знаетъ свои границы, правильно оцѣниваетъ матеріаль, которымъ располагаетъ, и отказывается отъ объясненій тамъ, где не можетъ ихъ дать, такая наука гораздо выше той, которая даетъ нелѣпыя объясненія. До временъ Реди (XVII столѣтія) ученые говорили массу пустяковъ о произвольномъ зарожденії и приводили массу фактовъ такого. Современная наука говоритьъ, что она не знаетъ фактовъ произвольного зарожденія и не знать, какъ первоначально возникла жизнь. Это знаніе своего незнанія есть громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ развитія науки. Позволительно думать, что біология сдѣлаетъ и даль-

¹⁾ На Руси въ ряду ученыхъ было мало антидарвинистовъ. Кромѣ Данилевскаго должно указать еще на проф. А. А. Тихомирова. Сжато свое отрицательное отношение къ дарвинизму, признавая за нимъ и положительное значение, онъ изложилъ въ брошюре „Судьба дарвинизма. 1907“.

нѣйшій шагъ и признаетъ, что, какъ проблема происхождения жизни, такъ и проблема происхожденія видовъ безусловно не рѣшена. Но за всѣмъ тѣмъ и вопросъ: какъ же вы объясняете? можно не вполнѣ оставить безъ отвѣта. Есть теоріи, рѣзко расходящіяся съ дарвинизмомъ и не расходящіяся съ фактами, ихъ можно противопоставить дарвинизму. Настаивать на ихъ истинности нельзя, но можно настаивать на томъ, что сравнительно съ ними дарвинизмъ не заслуживаетъ предпочтенія. Таковыми являются взгляды Келликара, опирающіеся между прочимъ и на открытія и работы русскихъ ученыхъ (Вагнера, Коржинскаго).

Съ своею теорію Келликеръ выступилъ въ 1872 году. Онъ началъ съ критики теоріи Дарвина. „Теорія Дарвина, какъ замѣчаетъ Клаусъ, есть ничто иное, какъ примѣненіе къ разъясненію органическаго развитія великаго закона суммированія множества мельчайшихъ вліяній, дѣйствующихъ въ теченіи громадныхъ промежутковъ времени, въ одинъ общий колоссальный результатъ“. Значеніе этихъ мельчайшихъ вліяній и строгую постепенность въ развитіи органическаго міра Келликеръ отрицаєтъ. Келликеръ признаетъ, что существуетъ общий законъ развитія органическаго міра, законъ, подобный тому, по которому развиваются отдѣльные организмы. При чёмъ, по Келликеру, развитіе органическаго міра можетъ совершаться и дѣйствительно совершается скачками, а не въ строгой постепенности. Измѣненія въ организмахъ, говорить Келликеръ, состоять во 1) въ измѣненіи существующихъ органовъ, во 2) въ возникновеніи новыхъ морфологическихъ единицъ. Измѣненіе существующихъ органовъ—Келликеръ допускаетъ—можетъ происходить подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, но возникновеніе новыхъ органовъ имѣтъ свою причину въ законѣ общаго развитія, а не въ случаѣ. Странно допустить вліяніе подбора на возникновеніе новыхъ органовъ, когда эти органы вначалѣ будуть только лишнимъ или даже вреднымъ бременемъ для организма. Появленіе спинной струны у первыхъ млекопитающихъ, первыхъ позвонковъ, первыхъ кровеносныхъ сосудовъ, все это непонятно съ точки зрѣнія естественного подбора. Затѣмъ, если обратить вниманіе на то, что почти всѣ болѣе или менѣе крупныя измѣненія зародыша и прежде всего всѣ настоящія новообразованія органовъ случаются въ

самыя раннія поры зародышевой жизни, такъ у куриного зародыша всѣ главные органы закладываются въ первые 4—5 дней его существованія, у человѣка къ концу первого мѣсяца его утробной жизни; если обратить вниманіе на это обстоятельство, то очевидно нельзя представить себѣ развитіе организмовъ такимъ образомъ, что они сначала проходили всѣ стадіи беспозвоночныхъ животныхъ, а потомъ начали принимать признаки позвоночныхъ. Развитіе нужно представлять инымъ образомъ По Келликуру, возможны и дѣйствительно бываютъ такие случаи, что отъ родителей, стоящихъ на низшей ступени, положимъ, кипично-полостныхъ или червей, прямо возникнуть насѣкомыя. Для обоснованія и разъясненія своей теоріи онъ обращается къ явленіямъ метагенезиса (церемънъ генерацій)¹⁾, гетерогоніи²⁾ и педогенезиса³⁾. Простѣйшую форму метагенезиса представляютъ нѣкоторые кольчатые черви (*Syllis*). Они раздѣльнополы и имѣютъ вполнѣ развитые, хотя и весьма просто устроенные, половые органы. Изъ оплодотворенного яйца возникаетъ личинка, а изъ нея молодой червь, проходя типичскія стадіи развитія. Но почти взрослый сложившійся червь, не имѣющій только вполнѣ развитого полового аппарата, можетъ дѣлиться поперекъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая образуетъ нового маленькаго червя. Эти маленькие черви представляютъ, слѣдовательно, собою поколѣніе, происшедшее путемъ безполаго размноженія, путемъ дѣленія материнскаго организма. Они растутъ, достигаютъ половой зрѣлости и размножаются посредствомъ оплодотворенныхъ яицъ, производя слѣдующее поколѣніе путемъ полового размноженія, какъ произошелъ и первый червь. Болѣе сложное явленіе метагенезиса наблюдаются у нѣкоторыхъ медузъ. Эти морскія животныя имѣютъ обыкновенно видъ студенистаго полуупрозрачнаго колокола и размножаются по

1) Метагенезисъ состоить въ томъ, что отъ полового поколѣнія организмовъ происходитъ поколѣніе, размножающееся безполымъ путемъ, а отъ этого поколѣнія происходитъ половое, тожественное съ первымъ.

2) Гетерогонія обозначаетъ происхожденіе отъ одного поколѣнія организмовъ другого на него непохожаго, потомство котораго представляетъ возвратъ къ I-му поколѣнію.

3) Педогенезисъ называется способность полового организма размножаться безполымъ путемъ уже въ личиночномъ (лѣтскомъ) состояніи.

средствомъ оплодотворенныхъ яицъ. Изъ яйца развивается овальная личинка, плавающая въ морѣ и, наконецъ, укрѣпляющаяся однимъ своимъ концомъ на какомъ-либо подводномъ предметѣ. На свободномъ концѣ тѣла появляется ротовое отверстіе, а вокругъ него вырастаютъ щупальцы. Въ этомъ видѣ превращенная личинка медузы называется сцифистомою и напоминаетъ союю сидячій полипъ вродѣ прѣноводной гидры, водящейся въ нашихъ прудахъ. Сцифистома растетъ въ вышину и начинаетъ подраздѣляться поперечными перехватами на части, а ея щупальцы претерпѣваютъ обратное развитіе, т. е. уничтожаются. Въ этой стадіи развитія животное называется стробилою. По краямъ сегментовъ стробили образуются затѣмъ новые отростки (щупальцы) и мало-по-малу сегменты отдѣляются въ видѣ плоскихъ дисковъ съ отростками, которые плаваютъ отдѣльно и превращаются постепенно въ взрослыхъ колоколообразныхъ медузъ. Здѣсь, такимъ образомъ половыя и бесполыя поколѣнія оказываются совсѣмъ непохожи одно на другое, здѣсь являются превращенія. Теперь обратимъ вниманіе на то, что сцифистома въ извѣстной стадіи развитія весьма напоминаетъ гидру. Исходя изъ этого, Келликеръ предполагаетъ, что возможно, что нѣкогда гидро—подобные организмы, размножаясь, произвели дотолѣ не существовавшія формы медузъ.

Явленія метагенезиса, указываютъ, по Келликеру, на возможность происхожденія совершенно новыхъ существъ внезапно, т. е. безъ всякихъ постепенныхъ переходовъ. Возможность этой внезапности открывается также изъ фактовъ гетерогоніи. Подъ именемъ гетерогоніи разумѣютъ тѣ случаи, когда одно и то же животное при размноженіи своемъ является въ двухъ или болѣе различныхъ формахъ зрѣлыхъ въ половомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, существуетъ маленькая круглая глиста, аскарида лягушачья (*ascaris nigrovenosa*), которая живеть въ двухъ различныхъ формахъ—въ легкихъ лягушки и во влажной землѣ. Въ легкихъ лягушки живеть гермафродитическая форма, яйца которой развиваются изъ раздѣльнополыхъ глистъ, имѣющихъ признаки рода *Bhabditis*. Эти молодые робдитисы изъ легкихъ лягушки переходятъ въ ея пищеварительный каналъ, съ испражненіями попадаютъ на

землю, послѣ чего живутъ въ землѣ свободно, пока снова не попадутъ въ роть и легкія лягушки, гдѣ они производятъ первоначальное гермафродитическое поколѣніе. Такъ, оказывается, что изъ одного и того же начала возникаютъ *ascaris nigrovenosa* и *rhabditis nigrovenosa*.

Что касается до педогенезиса, то Келликеръ цитируетъ открытие пр. Вагнера о размноженіи личинокъ мухъ, какъ подтверждающее его теорію разнороднаго происхожденія. Вагнеръ нашелъ, что личинки нѣкоторыхъ мухъ (cecidomyiidae) могутъ производить внутри своего тѣла новое поколѣніе подобныхъ же личинокъ. Эти послѣднія поѣдаютъ внутренности матери и выходятъ наружу, послѣ окукливаются или же вторично производятъ внутри себя поколѣніе личинокъ, которая уже подвергаются окукливанію. Изъ куколокъ развиваются мухи. Можно допустить, говорить Келликеръ, что личинки настѣкомыхъ существовали нѣкогда, какъ самостоятельный формы и внезапно стали производить неподобныхъ себѣ личинокъ, а новые существа, т. е. современныхъ мухъ. (Холодковскій, теорія Дарвина, ея критики и ея дальнѣйшее развитіе. Келликеръ).

Въ подтвержденіе теоріи Келликера о возможности внезапныхъ переходовъ организмовъ одного вида къ организмамъ другого вида можно указать еще на наблюденія и опыты Уоллэса и Вейссмана надъ бабочками. Существуютъ, напримѣръ, двѣ формы европейскихъ бабочекъ *vanessa levana* и *vanessa prorsa*, рѣзко различающіяся между собою цвѣто-расписаниемъ. Первая—буро-желтаго цвѣта съ черными пятнами и полосками, вторая—черная съ широкой белой перевязью на обоихъ крыльяхъ. Эти двѣ формы долгое время считались за два различныхъ вида, но вслѣдствіи оказалось, что различие окраски обусловливается вліяніемъ времени года: *vanessa levana* есть перезимовавшая въ куколкахъ *vanessa prorsa*. Теперь существуютъ самостоятельно и *prorsa* и *levana*. Вейссманъ развилъ теорію что *prorsa* произошла отъ *levana* во время ледниковой эпохи. Съ точки зреенія Келликера, находящей въ данномъ случаѣ опору въ фактахъ настоящаго, такой переходъ могъ произойти внезапно.

Теорія Келликера отрицаетъ знаменитое древнее положеніе: *natura non facit saltum*, положеніе, надо замѣтить, представляющее собою такой же баконовскій *idolon* для совре-

менныхъ натуралистовъ, какимъ для прежнихъ являлся horror vacui въ природѣ. Теорія эта, далѣе, устанавливаетъ новый взглядъ на отношеніе организмовъ между собою. По Дарвину и другимъ, различные организмы тѣмъ ближе генетически, чѣмъ они ближе физически, по Келликеру этого не оказывается. Непосредственнымъ дѣтищемъ червеобразнаго существа можетъ быть *musca domestica*—организмъ совсѣмъ другого типа, стоящій рядомъ съ *musca caesar*, *tomotoria* и могущій не имѣть съ ними никакого родства. Келликерь идетъ даже далѣе, онъ утверждаетъ, что организмы одного вида могли происходить отъ совершенно различныхъ предковъ, почему и называетъ свою гипотезу полифилитическою въ противоположность дарвиновской, которая, какъ онъ законно говоритъ, непремѣнно должна быть монофилитической. Съ точки зрењія Келликера, значитъ, человѣкъ могъ родиться—даже и въ библейскомъ смыслѣ потенциальнно совершеннымъ—отъ какого-нибудь вовсе непохожаго на него млекопитающаго, но могъ, конечно, родиться и отъ обезьяны.

По пути проложенному Келликеромъ, Коржинскимъ, Бетсономъ пошелъ голландскій ботаникъ Фризъ. Внезапному превращенію одного вида въ другой теперь усвоено имя мутациі, и теорія такихъ превращеній названа мутаціонной. Сущность ея по Фризу такова: органические виды не подлежать непрерывной измѣнчивости, въ теченіе болѣе или менѣе долгихъ періодовъ остаются неизмѣнными. Но затѣмъ органическій видъ вступаетъ въ мутаціонный періодъ, организмы прямо воспроизводятъ отъ себя новые виды. По мнѣнію Фриза, особенности вида обусловливаются появленіемъ въ организмахъ опредѣленныхъ, единичныхъ, рѣзко ограниченныхъ одинъ отъ другого элементовъ. Самъ элементъ тотъ подлежитъ измѣненіямъ, варіаціямъ, обусловливающимъ, согласно опыту Фриза, главнымъ образомъ питаніемъ, отъ этого зависятъ варіаціи въ растеніяхъ. Но возникновеніе видовъ зависитъ не отъ варіацій, а отъ мутаций. Наступаетъ моментъ въ жизни вида, когда онъ долженъ дать жизнь новымъ видамъ. По Фризу такой мутаціонный періодъ въ недалекомъ прошедшемъ пережили многія растенія. Такова крупка весенняя, иначе называемая быльникъ весенній, сухоребрица (*Hunger blattchen*, *La chare printaniere*), маленькое однолѣтнее растеніе, принадлежащее къ семейству

кресто-цвѣтныхъ (имѣютъ четыре лепестка), съ бѣлыми цвѣтами лепестки раздѣляются вверху, плодъ—стручекъ, растеть на песчаныхъ мѣстахъ (6 тычинокъ, изъ нихъ двѣ болыше остальныхъ). У крупки въ настоящее время насчитываютъ до двухсотъ подвидовъ, очень сходныхъ, но совершенно самостоятельныхъ, которые поэтому могутъ быть рассматриваемы, какъ виды. Къ растеніямъ, подобно крупкѣ, недавно пережившимъ мутаціонный периодъ, относятъ подорожники, ивы, шиповникъ, ежевику. Въ настоящее время, по Фризу, переживаетъ мутаціонный периодъ *oenothera lamarckiana* (ослинникъ, онагрикъ, ночная свѣтильня, двухлѣтнее растеніе, семейство onagratigicae или oenotherae). Около ста лѣтъ назадъ оно вывезено изъ Сѣверной Америки и теперь распространилось по Европѣ. Есть виды *oenothera* употребляемые въ пищу, такъ, наприм., корень (такой же какъ у моркови) *oenotherabiennis* (которое разводится въ декоративныхъ цѣляхъ въ садахъ, благодаря своимъ желтымъ четырехлепестнымъ, красивымъ и сильно пахнущимъ цвѣтамъ). Фризъ наблюдалъ *oenothera* въ окрестностяхъ Амстердама, онъ замѣтилъ появление у этого растенія новыхъ видовъ, перенесъ его въ экспериментальный садъ и въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ надъ ними наблюденія. Фризъ съялъ тысячами семена *oenothera*. Въ 1889—1899 г.г. изъ этихъ съмянъ вышло семь новыхъ видовъ: *Oen. gigas*, *albicla*, *lata*, *nanella*, *tuberculata*, *oblonga* и *scillitans*. Послѣдній видъ наименѣе устойчивъ, только часть его съмянъ воспроизводить новый типъ. Важно здѣсь обратить вниманіе, что новый видъ возникаетъ не отъ одного какого-либо организма (*oenothera* имѣеть цвѣты двуполые), а отъ многихъ. Съмена другихъ растеній даютъ тождественный новый видъ. Отсюда слѣдуетъ, что *oenothera* въ потенціи заключаетъ въ себѣ возможныя мутаціи въ строго опредѣленныхъ направленияхъ.

Таковы факты, изъ которыхъ исходитъ Фризъ, и такова сущность его воззрѣній¹⁾). На основаніи своихъ наблюденій и опытовъ онъ пришелъ къ заключенію, что теорія Дарвина

¹⁾ Свою теорію Hugo de Vries изложилъ въ общирномъ произведеніи—*Die Mutationstheorie*. Erster Band. 1901. Zweiter Band. 1903. Послѣ этого онъ не переставалъ развивать свои воззрѣнія въ различныхъ статьяхъ. См. С. Глаголова—Котаника и дарвинизмъ (Вѣра и Разумъ, 1907, № 1).

не только утверждается, благодаря игнорированию фактовъ, но что она обязана своимъ существованіемъ и невѣрнымъ наблюденіямъ и неправильнымъ аналогіямъ. Фризъ—ботаникъ по специальности, но теорія его имѣеть приложеніе не къ растительному только, а ко всему органическому миру. Онъ указываетъ намъ путь къ разрѣшенію многихъ недоумѣній относительно человѣческаго рода. Съ точки зрењія Дарвина появленіе человѣка на землѣ есть актъ неуловимый. Каждый послѣдующій моментъ въ исторіи животнаго мира неуловимо отличается отъ предыдущаго. Человѣка не было въ началѣ какої-либо громадной геологической эпохи положимъ: пліоценовой или постпліоценовой, въ концѣ этой эпохи онъ явился. Медленность прогрессивнаго движенія въ животномъ мірѣ кажется человѣку совершенної неподвижностью. Точно также неуловимо, по Дарвину, развилась культура, образовались расы. Для исторіи человѣческаго рода иѣкоторые охотно назначаютъ миллионы лѣтъ (въ 1906 г., напримѣръ, явилась брошюра: *Douze cent mille ans d'humanit *). Наше христіанское воспитаніе пріучило насъ смотрѣть на происхожденіе и судьбы человѣчества совершенно иначе. Нельзя сказать, что мутаціонная теорія даетъ намъ неопровергнутые доводы для обоснованія библейскаго повѣствованія и для опроверженія дарвиновской теорії, но опаво всякомъ случаѣ показываетъ, что то, о чёмъ повѣствуетъ Библія, возможно, и что то, что утверждаетъ дарвинизмъ, еще не есть дѣйствительно. Библія представляетъ намъ появление человѣка на землѣ, какъ совершенно новый моментъ, новое явленіе въ исторіи міра. Теорія мутацій говоритъ: новые явленія возможны. Библія представляетъ намъ, что человѣкъ явился иѣсколько съ иною организацією, чѣмъ нынѣ существующіе люди: человѣкъ жилъ въ началѣ приблизительно девять сотенъ лѣтъ. Біологія знаетъ, что такое продолжительное существованіе организмовъ возможно (киты, предполагаютъ, живутъ столько же), а мутаціонная теорія утверждаетъ возможность происхожденія отъ такихъ долгожизненныхъ организмовъ новыхъ родовъ съ гораздо меньшою жизнеспособностью. Въ Библіи образованіе расъ, народностей представляется совершающимся какъ то неожиданно и незамѣтно. То человѣчество было едино и вдругъ оно оказывается раздробленнымъ на племена и государства.

Мутаціонная теорія утверждаетъ безусловно возможность этого факта. Библія ходъ культуры представляеть довольно быстрымъ; дарвинизмъ вопреки очевидности настаивалъ на его медленности. Говоримъ: вопреки очевидности, ибо достаточно сравнить состояніе техники въ концѣ XVIII и въ концѣ XIX вѣковъ, чтобы видѣть, какой громадный размахъ можетъ совершить культура въ теченіе одного столѣтія. Мутаціонная теорія и здѣсь указываетъ дарвинистамъ на рискованность ихъ тезисовъ.

Но мутаціонная теорія Фриза допускаеть лишь малые размахи. Теорія Дарвина, по Фризу, для исторіи органическаго міра требуетъ два съ половиною миллиарда лѣтъ. Его теорія мутацій требуетъ 24 миллиона лѣтъ. Это конечно во 100 слишкомъ разъ меныше, чѣмъ дарвиновскіе миллиарды, но все таки очень много. Фризъ получаетъ свою цифру такимъ образомъ. Если *oenothera lamarckiana* имѣеть 6000 признаковъ и въ теченіе 4000 лѣтъ подвергся мутациіи одинъ признакъ, мы имѣемъ для исторіи *oenothera*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для исторіи всего органическаго міра уравненіе:

$$6000 \times 4000 = 24000000.$$

Это—біохроническое уравненіе Фриза. Опъ даетъ такую общую формулу:

$$M \times t = B.$$

т. е. число мутацій, умноженное на среднее время между двумя мутаціями равно біологическому времени.

Не трудно видѣть всю произвольность фризовскаго уравненія. И мутациіи и среднее время между ними, не только можно, но и должно предполагать, суть величины переменные. Вѣдь, медленныя мутаціи Фриза происходили при неизменныхъ геологическихъ условіяхъ, а эти условія, по воззрѣніямъ самого Фриза, мѣнялись въ прошедшемъ. Фризу нужны его миллионы для того, чтобы согласить свою біологическую исторію съ предполагаемой геологической. Но прочно ли установлены геологическая цифры? Не придется ли и здѣсь въ будущемъ производить сокращенія подобныя тѣмъ, которыя Фризъ производить въ исторіи органическаго міра. Вѣдь, онъ сокращаетъ эту исторію въ 104 раза. Что если и геологическую исторію можно сократить подобнымъ образомъ? Это предположеніе теперь можетъ показаться не-

лѣпо еретическимъ, но можетъ быть черезъ два десятилѣтія оно не покажется такимъ.

И геологическая и биологическая исторіи неизвѣстны человѣчеству. Несомнѣнно, что теперешняя геологическая классификація имѣеть лишь провизорный характеръ и въ нее не укладываются факты, что отмѣтилъ еще покойный Ланпаранъ въ своей работе *Les Surprises de la Stratigraphie* (Rev. d. Quest. scientif. Juillet. 1904). Исторіи органическаго міра написанныя доселѣ даже непровизорны, а просто произвольны. Для естественной исторіи они, пожалуй, менѣе цѣнны, чѣмъ миѳологіи для изученія человѣческой исторіи.

Кто знаетъ, можетъ быть предположеніе древнихъ, что широкогрудая Геа—земля нѣкогда пребывала въ мукахъ рожденія и непосредственно изъ себя произвела различные роды существа, кто знаетъ, можетъ быть это предположеніе заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе истины, чѣмъ предполагалось доселѣ. Почему то донынѣ изслѣдователи не обращали вниманія на слѣдующее.

Если существуетъ эволюція, то должно происходить съ одной стороны вымирание существующихъ формъ жизни, съ другой—возникновеніе новыхъ. Если нѣть эволюціи, то долженъ происходить только первый процессъ. Но человѣчество за все время своего не только историческаго, а и палеонтологического существованія наблюдало только этотъ процессъ вымирания. Никакихъ новыхъ формъ жизни не явилось на глазахъ человѣка, конечно, разумѣя подъ новыми формами не *oenothera Lamarkiana*, а нѣчто болѣе важное, но многія старыя формы вымерли на глазахъ человѣка. Таковы: мамонты, пещерные львы, пещерные тигры и медвѣди, костистые посороги, гигантскіе олени, туры, морскія коровы, птица моа и много другихъ. Многія животныя вымираютъ. Таковы: зубры, бѣлые носороги, окапи. Есть серьезныя основанія утверждать, что въ недалѣкомъ будущемъ должны погибнуть крупные хищники и многія толстокожія. Свообразная фауна Австраліи (утконосъ, ехидна) тоже едва ли долговѣчна. Смерть и умираніе типичныхъ формъ наблюдается около себя человѣкъ, но природа не дѣлаетъ никакихъ намековъ на то, что она находится въ потугахъ рожденія новыхъ формъ. Но если такъ, то очевидно, что въ прошедшемъ формъ промежуточныхъ типовъ должно было быть

болѣе, чѣмъ въ настоящемъ. Отсюда и слѣдуетъ, что палеонтологія должна отыскивать переходныя формы. Но какъ произошли эти формы, на самомъ дѣлѣ не знаетъ никто. Никто доселѣ не объяснилъ, какъ образовались человѣческія расы. Для проверки предположенныхъ гипотезъ имѣются данные тысячелѣтій, но эти данные ничего не дали. Исторіи расъ не существуетъ, даже нѣть тѣни этой исторіи. Но если неизвѣстно, какъ произошли расы, то тѣмъ болѣе съ научной точки зрѣнія неизвѣстно, какъ произошелъ человѣкъ.

C. Глаголевъ.

(Природоизженіе с. поддуетъ).
